

КОЛИН О'БРЭЙДИ

ЛЕДЯНАЯ СХВАТКА.

КАК Я ПЕШКОМ

ПЕРЕСЁК В ОДИНОЧКУ

ВСЮ АНТАРКТИДУ

ICE MAN

Подарочные издания. Психология

Колин О'Брэйди

**ICE MAN. Ледяная схватка.
Как я пешком пересек в
одиночку всю Антарктиду**

«ЭКСМО»

2020

УДК 910
ББК 26.89

О'Брэйди К.

ICE MAN. Ледяная схватка. Как я пешком пересек в одиночку всю Антарктиду / К. О'Брэйди — «Эксмо», 2020 — (Подарочные издания. Психология)

ISBN 978-5-04-174707-7

В декабре 2018 года Колин О'Брэйди вступил в гонку с Луи Раддом за право быть первым, кто пересечет Антарктиду в одиночку. До этого момента никому не удавалось это сделать. Каждого, кто решит посягнуть на территорию заснеженной пустыни, подстерегает множество опасностей: глубокие трещины скрываются под снегом, а температура воздуха может лишить жизни даже самых сильных и подготовленных людей. Колин оказался на самом холодном и безлюдном континенте. Он шел, преодолевая сильнейшие штормовые ветра и пронизывающие морозы. Но главной его проблемой была не борьба с силами природы, а преодоление самого себя. На протяжении всего пути его одолевали страхи и сомнения, он размышлял о прошлом, искал мужество и вдохновение в пережитом опыте. За 54 дня Колин преодолел 1500 км и вошел в историю. Это путешествие навсегда изменило его жизнь. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910
ББК 26.89

ISBN 978-5-04-174707-7

© О'Брэйди К., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Примечание автора	9
Пролог	10
Глава первая. Капитан	12
Перед экспедицией	12
Глава вторая. Замерзшие слезы	18
День 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Колин О'Брэйди ICE MAN. Ледяная схватка. Как я пешком пересек в одиночку всю Антарктиду

Дженне Б

Любви всей моей жизни

Хранительнице моих воспоминаний

«Невозможность – это только мнение».

Пауло Козьмо

Colin O'Brady

THE IMPOSSIBLE FIRST FROM FIRE TO ICE – CROSSING ANTARCTICA ALONE

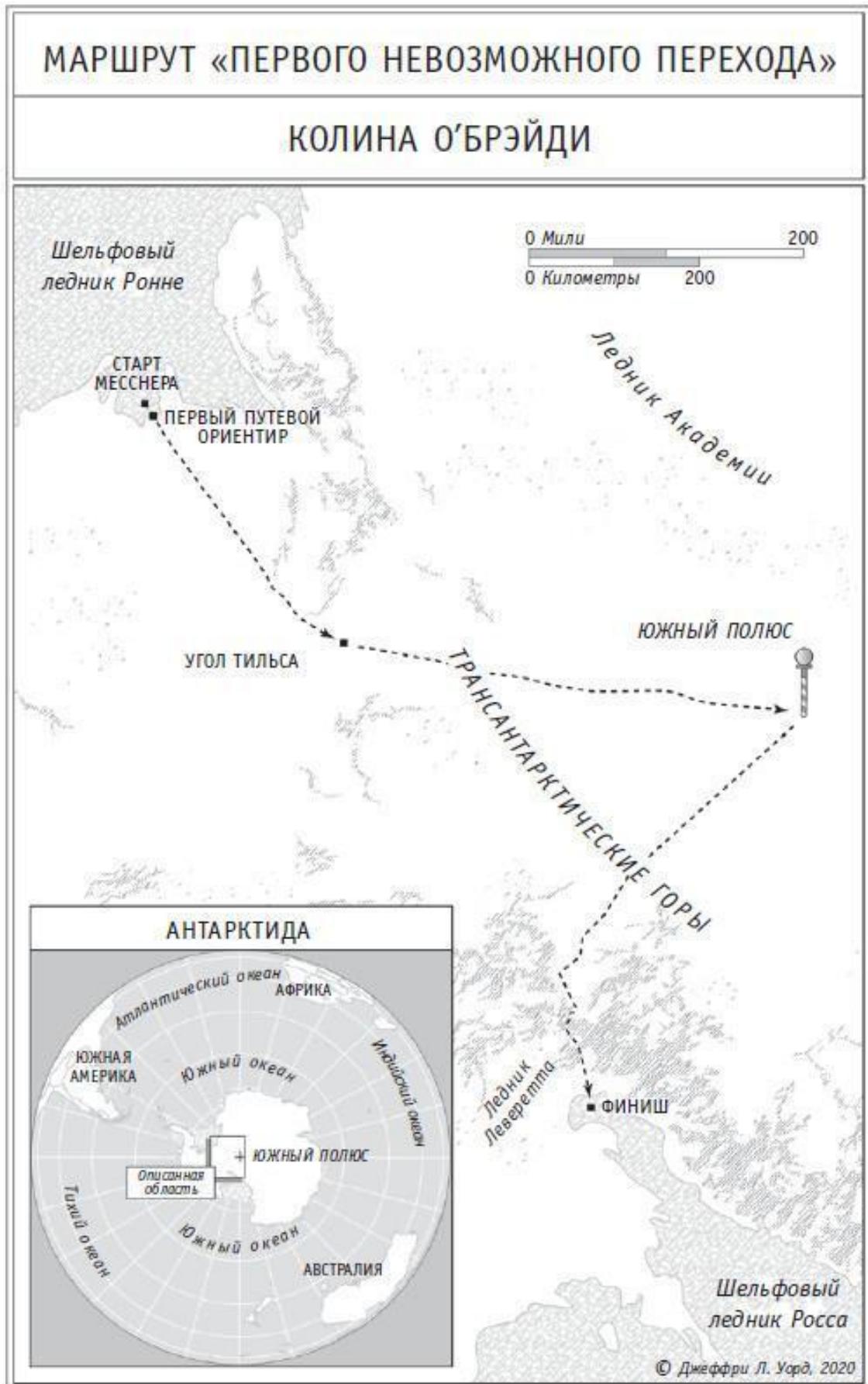
Copyright © 2020 by Colin O'Brady

© Никулина А.С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Москва 2022

«Захватывает. Трогает. Поражает. Книга «ICE MAN» наглядно демонстрирует пределы возможностей человека, при этом раскрывая, насколько огромен внутренний потенциал каждого из нас. Колин показывает, что величие состоит не в жизненных достижениях, а в том, как вы идете к ним и кто находится рядом. Это не просто приключенческая история, это история об опыте человека».

Льюис Хаус, автор книги «Как стать легендой»

«Чудовищные физические испытания, которые перенес Колин, и его духовный опыт, расширяющий сознание, излагаются в этой книге в духе эпического сказания, полного приключений и открытий».

Пол Саймон, лауреат премии Грэмми

«Достижение Колина О'Брайди – первый в мире одиночный переход через Антарктиду – победа, обладающая непреходящей важностью. И книга «ICE MAN», рассказанная им история о том, как все происходило, – классика приключений... Стиль Колина и его ранимость обязательно тронут каждого, кто возьмет в руки эту феноменальную книгу».

Арон Ралстон, автор книги «Между молотом и наковальней»

«Меня как предпринимателя и как мать глубоко вдохновляет история Колина. Его сила, стойкость и упорство должны стать уроком не только для искателей приключений, но для всех людей. Это революционная история о выносливости человеческого духа, которая найдет отклик у каждого, кто имеет серьезные цели и мечты».

Сара Блейкли, основатель и генеральный директор SPANX¹

«Книга «ICE MAN» заставила меня полностью переосмыслить мою жизнь и работу. Как и миллионы других людей, я издали наблюдал, как Колин пытается совершить этот переход, читая размещенные им отчеты и с изумлением разглядывая фотографии, которые он выкладывал. Но прежде я знал только фрагменты реальной истории. Так или иначе, я закончил читать эту книгу с чувством еще более глубокого благоговения. Описывать достижения Колина такими словами, как «эпический» и «невероятный», кажется мне слишком скромным».

Крис Гильбо, автор книги «Искусство нонконформизма»

«История Колина об организованности, решимости и целеустремленности – увлекательный сюжет и источник вдохновения для искателей приключений, предпринимателей и лидеров в любой сфере».

Тим Бойл, президент и исполнительный директор Columbia Sportswear

«Безумно захватывающая книга! Выносливость Колина и его способность неустанно решать проблемы и упорно идти вперед, несмотря на сомнения и страхи, вдохновляют... Знаю, что буду обращаться к этой книге, когда мне понадобится напоминание о том, что все возможно, если мыслишь как чемпион».

Джесси Итцлер, автор книги «Месяц на пределе»

«Ищете историю из жизни, которая вдохновит вас до глубины души? Вы ее нашли. «ICE MAN» – захватывающее путешествие на все времена. Колин поможет вам увидеть, на что способен человек, и вдохновит вас и ваших близких!»

Джо де Сена, основатель и генеральный директор Spartan²

---

¹ Компания-производитель корректирующего белья. (Прим. перев.)

² Spartan Race – ряд соревнований с препятствиями разной длины сложности. (Прим. перев.)

«В своем стремлении стать первым человеком, который самостоятельно совершит переход через Антарктиду, О'Брэйди показал, что может блестяще учиться выжимать из себя все больше и больше. Стоит прочесть эту захватывающую историю ради множества волнующих сцен преодоления препятствий, а еще вы вдохновитесь, когда увидите, какие открываются горизонты возможностей, если позаботиться о мелочах».

Дэйв Аспри, автор книги «Сверхчеловек»

«Колин чертовски вдохновляет меня... [Он] постоянно показывает, что возможности человека буквально не имеют границ, когда он обладает несокрушимой волей. Он образец для других – как в силу его ошеломляющих достижений, так и в силу стремления мотивировать других».

Том Билье, генеральный продюсер проекта Impact Theory³

«Эпическое путешествие, которое испытал Колин, показывает всем людям, что для нас нет ничего невозможного, если мы прислушиваемся к оптимистичному голосу в своей голове: «Я могу это сделать, я сильный, я смогу»... Колин однажды сказал: «Достижения – не для избранных. Каждый обладает запасом нераскрытых возможностей, которые ждут своего часа», и он обладает неиссякаемой волей. Эта книга показывает ее настоящую силу».

Грег Норман, в прошлом лучший в мире гольфист

«История Колина и его рекордный поход через Антарктиду продолжительностью пятьдесят четыре дня показывают, что источником великих побед часто становятся личные трудности. Настоятельно советую читать эту книгу по утрам, чтобы вдохновиться и решиться на свой первый невозможный подвиг».

Хэл Элрод, автор книги «Магия утра»

«Обретение жизни, о которой вы мечтали... вот подлинное приключение, в которое берет нас Колин. Своим эпическим сказанием об одиночном переходе через Антарктиду, а также другими достижениями О'Брэйди будет вдохновлять вас *проявлять себя* ежедневно, *расширять* границы возможного и, прежде всего, *радоваться*».

Диркс Бентли, популярный исполнитель и автор песен

---

³ Impact Theory – еженедельная передача-интервью, которая исследует мировоззрение людей, совершивших крупнейшие достижения в мире, чтобы выяснить секреты их успеха. (Прим. перев.)

Примечание автора

Это произведение является документальным. Во время написания этой книги я обращался к дневникам, которые начал писать в детстве, аудио- и видеозаписям, а также фотографиям, которые сделал в Антарктиде и во время своих прежних экспедиций, беседам с людьми, повлиявшим на мое путешествие и дальнейшую жизнь, личным воспоминаниям и открывшимся передо мной фактам.

Никакие имена не были изменены, и в книге отсутствуют вымышленные персонажи. Кто-то может помнить детали или события немного иначе. Любые неверные толкования или ошибки следует приписывать мне.

Хотя я проживаю в Америке и обычно отмечаю температуру в градусах Фаренгейта, все значения температур в этой книге указываются в градусах Цельсия, потому что именно в таких единицах я узнавал прогнозы погоды из международной метеорологической сводки. Не забывайте, что при сорока градусах ниже нуля значения по Фаренгейту и по Цельсию пересекаются и указывают на одинаковую температуру.

Пролог

Я стал думать о своих руках.

Это была моя первая ошибка.

Через сорок восемь дней и более чем тысячу двести двадцать километров, которые я прошел в одиночку по Антарктиде, ежедневная боль в руках, потрескавшихся от холода и сжимающих лыжные палки по двенадцать часов в день, стала напоминать барабанную дробь, определяющую ритм моего существования. И той ночью боль настигла меня. Когда я тянул свои сани сквозь метель, холодную и белую, термометр на моей куртке показывал тридцать градусов ниже нуля, а мощные порывы ветра охлаждали воздух по меньшей мере до пятидесяти, – я стал представлять себе, с каким невероятным удовольствием выну руки из варежек.

Я видел, как безмятежно сижу в своей палатке, массирую и возвращаю к жизни свои воспаленные, заочневшие, обмороженные пальцы, поднося их к шипящему пламени печки или прижимая к алюминиевому горшочку, где начинал нагреваться и таять снег, из которого я получал воду для питья и ужина.

Около восьми часов вечера, когда солнце, не заходившее круглые сутки, бледно-желтой точкой проглядывало над головой сквозь плотные тучи и сильный снег, я остановился, чтобы разбить лагерь. Я отцепил упряжь, которая соединяла меня с санями, расстегнул молнию на чехле и вытащил свою палатку.

Затем я на мгновение замер, склонившись на холоде и взглянув вниз, на палатку, которую держал в руках. Мне доводилось ставить палатку во время бури, при солнце и ветре, и я всегда делал это одинаково, полагаясь на память мышц, сформированную многократным повторением: я прикреплял один конец палатки к саням, затем вбивал опоры в лед с другого конца и по периметру. Это был самый безопасный способ.

Однако той ночью из-за усталости и боли в замерзших руках, от которой нещадно хотелось избавиться, я решил, что хватит только креплений, вбитых в лед, – необязательно прикреплять палатку к саням. Так будет куда быстрее. «Все будет хорошо», – сказал я себе.

Я суетился.

Это была моя вторая ошибка. Я вбил крепление, развернул палатку на земле и прошел назад, к ее дальнему концу. Опустился на колени и вогнал шести палатки на пружине в маленькие металлические втулки, которые расправляли палатку. Вначале следующий шаг тоже казался совершенно обыденным. Я медленно отошел назад и потянул палатку на себя, расправляя ее, пока не стало оттягиваться первое крепление перед тем, как я готовился вбить второе.

И тут это случилось. В самый неподходящий момент, прежде чем я успел прочно вбить второе крепление, из-за саней на меня обрушился сильнейший порыв ветра, словно специально прицелившись с дальних рубежей континента. После того, как я дернул ткань палатки, и перед тем, как внезапно подул ветер, первое крепление, вбитое с другой стороны палатки, выскочило изо льда.

В следующий миг я увидел, как дальний угол палатки вздымается, незакрепленный и свободно болтающийся. От этого зрелища мое тело наполнил такой ужас, словно я сунул палец в розетку, но при этом казалось, будто все происходит в замедленной съемке. Палатку, дюйм за дюймом отрывавшуюся ото льда, все больше надувал снизу встречный ветер.

И поскольку я только что установил шести палатки, расправив полукруглый каркас рамы, ветер обдувал большую площадь ткани. Поэтому, когда палатка взмыла в воздух, она все больше и больше наполнялась силой ветра, словно воздушный змей или парус. В мгновение ока я бросился вперед и едва успел схватиться за ее край, став единственной силой, которая удерживала палатку на земле.

Перед моим внутренним взором, как воплощение кошмара, пронеслись события, которые могли произойти дальше: я выпускаю палатку из рук. Она поднимается, а я отчаянно вскакиваю за ней, но не могу поймать, спотыкаюсь и падаю. Палатка почти мгновенно исчезает в непроглядном белом просторе. Я встаю и бегу за ней в бурю... а потом... а потом... я теряюсь. Палатки нет. Я поворачиваю назад и вижу лишь белую мглу бури. Мне ничто не поможет добраться до саней, и нет никакой надежды, что я переживу эту ночь.

От этого зрелища мое тело наполнил такой ужас, словно я сунул палец в розетку, но при этом казалось, будто все происходит в замедленной съемке.

Жуткое видение не отступало, пока я отчаянно держался за палатку.

У меня не было запасной палатки. Никакие спасатели не смогут добраться сюда в такую бурю, при нулевой видимости и в условиях пересеченной, неровной местности, куда нельзя посадить самолет. Я начну засыпать, затем мысли станут все больше путаться, и, наконец, я просто лягу, решив, что лед – хорошее место для отдыха. Я умру один из-за переохлаждения.

Меня захватил отнюдь не страх смерти, а понимание, что я больше не вернусь домой. Я никогда не вернусь в Портленд, никогда не прогуляюсь вдоль реки Уилламетт, держа за руку свою жену Дженну, никогда не буду смеяться, снова сидя у костра на побережье Орегона с моими родителями и другими близкими, никогда больше не вдохну глубокий, безмятежный дух влажной, занесенной корой лесной тропы в Каскадных горах.

Теперь все зависело только от моих рук. Я схватился ими за край палатки, пока мое сносимое ветром жилище дергалось и моталось над головой. Я понимал: все определяют следующие несколько секунд – сколько я смогу продержаться, какие действия совершу или нет.

Было ясно, что нужно как-то распластать палатку, чтобы ее так сильно не надувал ветер. Но, используя единственный способ это сделать, который пришел мне в голову, – стянуть палатку вниз и залезть на нее, чтобы прижать своим весом, – я мог сломать шесты. И тогда возникнет уже другое критическое положение. Чтобы немного облегчить поклажу на санях, одним прекрасным солнечным утром, которое теперь казалось эпизодом из другой жизни, я выбросил запасные шесты.

Ветер дул мне в лицо, мороз усиливался с каждой секундой, а паника нарастала, и тогда в моем сознании ожил тот далекий солнечный момент, когда я принял это решение. Я ощутил в своей руке шесты, увидел, как копаю в снегу яму и хороню их вместе с другими припасами и инструментами, чтобы позднее их можно было достать. Это снаряжение казалось таким тяжелым и таким ненужным.

Я подумал, что, возможно, *то* решение было первой ошибкой – точкой, откуда по-настоящему началась огромная цепочка промахов. Казалось бы, сушая безделица: шесты для палатки. Несколько лишних унций, очередная ошибка – и теперь меня настигли ее последствия.

Выбор и последствия. Все во Вселенной упростилось до этих гигантских слов. Над моей головой крошечная палатка внезапно стала казаться огромным, развевающимся, бьющимся на ветру красным монстром, который с каждым мигом рос, и все труднее было его удерживать. И мои судорожно сжатые руки стали ослабевать.

Глава первая. Капитан

Перед экспедицией

Русский грузовой самолет Ил, который грохотал и неся над проливом Дрейка в сторону льдов Антарктики, обладал всеми удобствами, которые можно ожидать от суровых и прагматичных русских инженеров, то есть, в сущности, был полностью лишен всяких удобств. Этот самолет мог противостоять наихудшим погодным условиям, в которые только можно попасть, садиться и взлетать на полосе из чистого льда или на руинах в зоне военных действий, а также доставлять грузы в места, куда редкие воздушные суда могли добраться. Он пропах влажной парусиной, машинным маслом и застарелым потом, и это вдобавок оттенял запах пролитой водки, и этот самолет «был совершенно великолепным по меньшей мере» – так говорил наш пилот, бывалый жилистый русский за пятьдесят, который боролся с рычагами управления на Иле многие тысячи часов полета надо льдами. «Это судно – внедорожник, который спасет вас в местах, где другие самолеты не справятся и потерпят крушение», – говорил он нам, когда мы поднимались на борт, и нежно похлопывал самолет по фюзеляжу. Только на нем можно было добраться до ветреной, покрытой льдом взлетно-посадочной полосы и базового лагеря Юнион Гласье – и до отправного пункта почти для каждого, кто направлялся вглубь континента, – что целиком отвечало отсутствию излишеств на борту. С таким же успехом на его боку можно было написать: «Не нравится – не садись».

В то утро, в конце октября 2018 года, посреди хаотично сваленных друг на друга коробок, палаток, генераторов и загадочных ящиков, которые отправлялись на юг к началу летнего сезона экспедиций, на борту находилась всего горстка пассажиров, оплативших перелет. Среди них был я: сидел, пристегнувшись к древнему, почти каменному сиденью Ила, и большие стальные ребра самолета аркой сходились над моей головой. Рядом со мной во время четырехчасового перелета сидел, пристегнувшись, на той же скамье, наверное, самый грозный человек, которого мне доводилось знать, – капитан Луи Радд.

Радду было сорок девять, и он был британцем, овеванным флером небрежной суровости и английского акцента канала ВВС. Он сидел на своей части скамьи идеально прямо и смотрел на меня пронзительными карими глазами. Он говорил тоном командира, четкими повествовательными предложениями, характерными для британской армии, которая формировала и обтачивала его больше трех десятилетий. Мы оба летели в базовый лагерь, чтобы там дожидаться следующего воздушного транспорта до льдов Антарктиды и официально начать историческое соревнование за первенство в одиночном переходе через континент без поддержки и без помощи. При планировании своего курса мы выбрали разные маршруты. Однако наши пути переплетались, хотя ни один из нас тогда этого полностью не понимал.

«Мы с Генри Уорсли были в одной группе, шли по маршруту Амундсена. Другая группа начала от хижины Скотта в Мак-Мердо», – сказал Радд, склонившись ко мне, описывая свою поразительную экспедицию в Антарктиду 2011 года, которая повторяла великое соревнование 1911 г. между Руалем Амундсеном и Робертом Фалконом Скоттом по покорению Южного полюса. От одних имен этих выдающихся людей и того, что Радд имел с ними связи, у меня перехватило дыхание: Амундсен, Скотт, Уорсли. Фрэнк Уорсли когда-то был капитаном, наверное, на одном из самых известных антарктических кораблей в истории, «Эндьюранс», который в 1914 году сделал Эрнеста Шеклтона легендой. Генри Уорсли, его дальний родственник, продолжил семейное дело в Антарктиде – что закончилось трагедией. Радд общался с богами.

«Тяжелая была экспедиция, шестьдесят семь дней до полюса», – продолжал Радд, сверля меня глазами. «Сильные бури. Мы с Генри, каждый из нас, потеряли больше четырех стоунов⁴. Короче, мы опередили команду Скотта на девять дней, так что, похоже, история повторяется, и маршрут Амундсена был лучшим», – сказал он. Радд закончил свою речь с хитрой ухмылкой, словно ему нравилась ирония ситуации: соревнование 1911 года было гонкой государств – Норвегии и Англии, и Амундсен вместе с Норвегией победили, добравшись до Южного полюса раньше капитана Скотта из британского Королевского флота. Скотт и все его люди погибли, пытаюсь вернуться домой.

Я буркнул что-то вроде: «О, поразительно», – хотя на самом деле все еще думал о тех шестидесяти семи днях и том весе, что они потеряли. Мысленно я снова перенесся на самую южную, ветреную оконечность Чили, в крошечную квартирку, снятую на Airbnb, в Пунта-Аренас, где я готовился к перелету на грузовом судне, чтобы добраться до льдов. Повсюду – от кухонных тумбочек и до кровати и пола между ними – лежало снаряжение и пакеты с едой. Вот какая тут была провизия: овсяная каша и белковый порошок, хрустящая сушеная лапша рамэн и сублимированные обеды. Особого внимания, впрочем, заслуживали белковые батончики размером с кошелек, которые лежали высокой стопкой, как колода карт. Их изготовила одна компания Висконсина, занимающаяся пищевыми добавками, которая несколько раньше отвезла меня в свою научную лабораторию продуктов питания и создала уникальную «калорийную бомбу», которую они называли «батончиком Колина».

Схемы, подготовленные моей женой и одновременно деловым партнером Дженной, – дорожные карты для экспедиции с учетом логистики – были разложены на столе. Мы с ней сновали от одной груды снаряжения к другой, разбирая, сортируя и взвешивая те вещи, которые я планировал перетащить по Антарктиде на санях, настолько увлекшись делом, что как-то едва не столкнулись. За одиннадцать лет отношений мы побывали во многих экзотических и недружелюбных местах, но теперь, казалось, нас ждало настоящее испытание, и после почти столкновения мы остановились возле холодильника, с вещами в руках, и склонились друг к другу для короткого поцелуя.

Мы перебирали вещи, чтобы я смог взять поменьше снаряжения.

По моему плану, еды и топлива должно было хватить на семьдесят дней, и в этом случае снаряжение на санях весило больше 180 килограммов – я понял, что не смогу тянуть такой вес. Поэтому в то краткое время, что оставалось перед перелетом на юг, мы исключали то, что казалось лишним, сокращая мои запасы. Пищи стало хватать не на семьдесят, а на шестьдесят пять дней. Теперь, в самолете, это число внезапно и пугающе стало напоминать шестьдесят семь – количество дней, проведенных Раддом на полюсе в его предыдущей экспедиции, когда в пути они потеряли примерно 27 килограммов своего веса. Я стал вести мысленные подсчеты. 27 килограммов – это почти треть моего веса.

Я не знал, что сказать. Мой желудок внезапно стал сжиматься, словно Ил, напоминающий кита, оказался в зоне турбулентности. Радд повторил маршрут Амундсена. Он знал Генри Уорсли, чья удивительная жизнь и трагическая смерть так трогали и вдохновляли меня. Уорсли умер в 2016 году, стремясь достичь той же цели, что и мы с Раддом – впервые в истории в одиночку, без поддержки, без посторонней помощи пересечь Антарктиду, что многие люди после гибели Уорсли стали называть «невозможным». И в моей голове эхом проносилась мысль: «Радд уже опередил меня. Он все знает». «Хотите взглянуть на мое фото на финише?» – вдруг спросил он. «Да. Конечно», – сказал я, пожав плечами.

Радд стал пролистывать фотографии на своем телефоне, пока не нашел ту, которую хотел показать, и вручил мне телефон. Я тут же пожалел, что согласился взглянуть. Он выглядел почти как скелет: скулы выдавались на истощенном лице, словно бейсбольные мячи; темные

⁴ Стоун – британская единица измерения массы, равная 6,35 килограмма. (Прим. перев.)

язвы, вызванные холодом, покрывали лоб и нос. Радд, широко улыбнувшись, забрал телефон, и я, наконец, понял, что он, *по сути*, хочет мне сказать: «Ты не знаешь, во что ввязываешься, приятель».

Так и было. Я признавал, что неизвестных мне сведений об Антарктиде и выживании на полюсе было столько, что хватит на книгу. Я был куда менее опытным, чем Радд, настолько, что в его глазах я, наверное, выглядел самозванцем.

Он сражался и гордился почетными боевыми шрамами, и за эти годы в различных экспедициях провел больше времени, таща на себе сани сквозь льды Антарктики, чем кто-либо еще. Я происходил из неотесанного контркультурного региона на Тихоокеанском северо-западе: родился прямо на матрасе, который лежал посреди комнаты нашего дома в коммуне в Олимпии, штат Вашингтон, на фоне играла «Redemption Song» Боба Марли, а в воздухе клубился дым от марихуаны, которую курили собравшиеся, дабы отметить это счастливое событие. Радд? Похоже, он вылутился из пушечного ядра.

Я признавал, что неизвестных мне сведений об Антарктиде и выживании на Полюсе было столько, что хватит на книгу. Я был куда менее опытным, чем Радд, настолько, что в его глазах я, наверное, выглядел самозванцем.

Да, я был крепким и сильным, и мне было тридцать три, на шестнадцать лет моложе Радда. Также многие годы я был профессиональным спортсменом, участником соревнований по триатлону в разных частях света, и поднимался на высочайшие горы в мире, в том числе на Эверест. Я даже бывал в Антарктиде раньше. Но когда я смотрел на неподражаемого капитана Радда, все это было неважным и не имело значения.

Мне казалось, будто мы попали на самолет с двух разных планет. У нас не было совершенно ничего общего, кроме этого мига, где наши жизни пересеклись, ведь оба мы захвачены одной целью – стать первым, кто сделает то, чего никто не совершал: в одиночку пересечет Антарктиду через Южный полюс, полагаясь на одну человеческую силу и не пополняя своих припасов. Каждый из нас немного знал о планах и приготовлениях другого – о моих в Америке, его в Великобритании, – но мы собирались начать в разных местах шельфового ледника Ронне, на краю суши материка. Радд начинал путь к югу от бухты Геркулеса; я – в нескольких сотнях километров оттуда, в месте под названием Старт Месснера. Возможно, мы больше не увидимся снова после нашего небольшого грузового перелета в базовый лагерь, куда мы оказались втиснутыми вдвоем.

Впрочем, единственное, что было важно: Радд проник в мое сознание с первых минут, и с каждым часом перелета в южном направлении, в самом начале предприятия, которое, как я уже понимал, станет труднейшим из всего, на что я когда-либо решался, моя уверенность таяла. Мне казалось, словно он смотрит на меня через сиденье и думает: «Справиться с этим парнем – пустяшное дело».

Это чувство внезапно заставило меня вспомнить первый день занятий девятого класса в крупной средней школе города Портленда, штат Орегон. Внутри толпились дети, которых я не знал, в основном из более престижных, богатых районов города. Я вошел в школу в поисках своей классной комнаты и шкафчика для вещей и тогда почти сразу ощутил себя, как и теперь, самозванцем, попавшим в чуждое мне место, где я плохо ориентировался. Юго-восточный Портленд, где я вырос, теперь стал оживленным районом города, где располагаются одни из лучших ресторанов и музыкальных площадок. Но в конце девяностых дети, что наводнили мою новую школу, происходившие из более престижных районов в Западных холмах, считали, что восточнее реки Уилламетт – лишь пустыри, где ютятся гаражи, магазины автомобилей и домики, построенные в промышленные времена для рабочих старого лесозавода и порта. Они

считали квартал, где я жил, бедным, неинтересным и недостойным, а иногда и по-настоящему опасным.

Меня спасло то, что я нашел друга. Дэвид Бойер тоже пришел в этот класс с неправильной стороны и, как я, остро сознавал, что это многое меняет. Мы стали союзниками, и каждый из нас пестовал затаенную злобу и стремился что-то доказать, хотя бы потому, что мы были в меньшинстве. Мы помогали друг другу смотреть в лицо неизвестности.

И это воспоминание заставило меня осознать: Радд тоже, как и я, смотрел в лицо неизвестности. Он обладал резервами глубокого опыта, которого у меня, несомненно, не было, но опыт мог лишь относительно помочь в месте, где человеческий след на местности был слабым, незаметным и тонким. Он познал одни из самых трудных, жестоких истин Антарктиды и испытал их. Но в Антарктиде, как я знал от поседевших ветеранов, у которых брал советы и обучался, а также на опыте своего краткосрочного пребывания там, определяющей характеристикой была непредсказуемость.

Антарктида установит условия того, что возможно, – всех неизвестных и переменных ветров и бурь, льда и пронизывающего мороза. И ни Радд, ни я не знаем, чего ожидать каждый день или даже каждую минуту и какие качества будут решающими.

Импровизация и находчивость будут определять наши судьбы и исход дела так же, как во времена ранних первопроходцев Полюса, которые, по сути, не могли знать – еще не было самолетов и спутников – даже того, какая местность их ожидает впереди. Импровизация имела решающее значение для меня и Радда, ведь, в сущности, мы не знали, можно ли в принципе совершить и выдержать то, что мы оба пытались сделать.

Попытка капитана Скотта использовать в 1911 году сани с мотором – импровизация, которая не сработала, с учетом технологий того времени. Идея была удачной, просто недоработанной. Снегоходы и модифицированные вездеходы – сегодня это основной транспорт полярных регионов. Амундсен импровизировал с пищей: беспокоясь, что у него и его людей возникнут проблемы с пищеварением из-за мясной диеты, где отсутствует клетчатка, он включал в рационы горох и овсяную кашу.

Шеклтон превратил импровизацию в искусство, когда его корабль «Эндьюранс» в начале 1915 года попал в ловушку в морских льдах и потерпел крушение. Когда он более года выживал и кормил себя и своих людей на льдах Антарктиды, а затем проплыл на открытом судне сотни километров по одним из самых бурных вод в мире в поисках спасения, это стало воплощением идеи, что даже выживание может стать героическим поступком.

И пока я размышлял обо всех этих вещах, я сумел выпрямиться в своем кресле и продумать собственную стратегию игры, которая стала напоминать странную разновидность шахмат, которые сносит ветром. Радд, решил я, с его офицерской манерой держаться и сжатыми монологами об удивительных подвигах, по-настоящему, поразительно впечатляет. Он был хитер и, вероятно, блистательно одарен. Но также я чувствовал, что он влияет на меня, играет со мной или использует какие-то военные психологические уловки, чтобы поколебать мою решимость и уверенность. И я позволил ему это делать. Тот факт, что он ничего обо мне не знал и не проявил желания узнать, могло дать мне преимущество – хотя я еще не знал какое.

Поэтому с тех пор я в основном кивал и позволял Радду говорить, не раскрывая собственных карт. На самом деле я был в ужасе: он, наверное, мог посеять сомнения в голову любого человека, как и подорвать его уверенность. Однако заставить его думать, что я еще ничтожнее, чем на самом деле, – казалось, это лучшая комбинация, которую я мог сыграть. Чем больше он уверялся, что я недостойный и неподготовленный, что я наверняка избалованный американский ребенок двухтысячных, которому в подобное путешествие и соваться не стоит, тем больше крепла его уверенность в себе. Я не знал, к чему все это может привести и чем может обернуться. Однако урок, который я получил, готовясь к этому событию – когда искал наставников и ветеранов-полярников, читал любые материалы, которые мог достать, –

уже успел запечатлеться в моем уме как ледовый крик: в Антарктиде самоуверенность порой опасна не менее, чем страх.

Ил на лыжах приземлился на покрытую синим льдом взлетно-посадочную полосу Юнион Гласье, как и представлялось, будто летающий внедорожник. Он как бы упал с неба, подпрыгивая, дребезжа и перетряхивая свой груз, пока, наконец, со скрипом не остановился, и я смог перевести дыхание. Наконец я попал на льды. После долгого, напряженного заточения в перелете и психологических игр, в которые играл со мной сосед по скамье, казалось, это было не просто прибытие – скорее выход из длинного темного туннеля в новый мир. Как только я сошел с самолета, напряженные часы в перелете мгновенно остались в прошлом. Антарктида с первых же секунд заполнила все мое восприятие. Суровый мороз пощипывал лицо, и все же невероятная яркость и извечная белизна пейзажа вызвали благоговение. Эмоциональный подъем от того, что наконец-то я добрался сюда, заставил меня так широко улыбнуться, что заболели щеки.

Юнион Гласье, который представляет собой базовый логистический лагерь почти для всех неправительственных экспедиций в Антарктиду, – многолюдное место в разгар летнего сезона, с ноября по январь. Компания, которая перевозит почти всех и любые грузы во льды, «Логистика и экспедиции Антарктиды» (A.L.E.), разбивает небольшой городок, где стоят палатки с едой и службы лагеря. Богатые искатели приключений, заказывающие путешествия с проводником, общаются здесь с экологами, учеными, которые направляются изучать ледовый щит, и людьми, которые просто-напросто влюбились в это странное, суровое место – как наш хладнокровный пилот с Ила. Альпинисты отправляются отсюда на гору Винсон, высочайшую вершину континента. Крошечные сообщества поклонников Антарктиды расцветают в краткие месяцы полярного дня, а затем вновь угасают в темные месяцы. Люди приезжают в самое безлюдное и экстремальное место на планете, только чтобы сказать, что они тут были, чтобы пробежать марафон или увидеть знаменитых императорских пингвинов, воображая себя самым капитаном Скоттом, который, прежде чем совершить рывок до полюса в 1911 году, пустился в необычайно трудную кратковременную поездку, чтобы увидеть этих птиц и получить для науки их яйца.

В этот день сотрудники лагеря сгребали огромные кучи снега вокруг сборных хижин и палаток на стальных рамах. Я подумал, что, наверное, это обычный ритуал начала сезона – летняя уборка после зимнего хаоса, – и вскоре заговорил с одним парнем, который остановился, опершись на свою лопату, чтобы закурить. Он жил в Англии – один сезон тут, другой там.

«За работу хорошо платят, – сказал он мне. – Если сможешь выдержать».

«Со снегом что-то не то, – сказал он, выдувая огромное облако водяного пара, смешанного с дымом, в холодный воздух. – Он гораздо более рыхлый, чем обычно, а я езжу сюда уже много лет».

Он замолчал и снова затянулся: «Ученые говорят, что из-за потепления климата снега тут может прибавиться, ведь более теплый воздух может сохранить больше влаги, так что это возможно...»

Он пожал плечами, затем затушил свой окурочок, бросив его в банку, которую вытащил из кармана.

«В любом случае этой зимой происходило что-то странное, это уж точно», – сказал он.

Если мы надеялись завершить переход до того, как опустится долгая зимняя темнота, нам с Раддом требовался почти полный летний сезон, который в Южном полушарии начинается в ноябре. Мы были так же прочно привязаны к сезонам, как Скотт, или Шеклтон, или Райнхольд Месснер – легендарный альпинист, в честь которого назвали место, куда я направлялся, – там морской лед встречался с континентом. Современная жизнь или технологии никак

не изменили этого фундаментального факта: экспедиции проводились лишь тогда, когда позволяла Антарктида.

Потому мы оба должны были начинать немедленно, как только появится доступный транспорт. И это означало, что во второй половине октября кроме нас и сотрудников А.Л.Е. в лагере не было почти никого. Наутро перед вторым запланированным перелетом на более маленьком самолете, который должен был доставить нас в разные отправные точки на ледовом шельфе Ронне, мы вошли в столовую палаточного городка, где в такой час мы были одни. Мы взяли подносы и сели рядом, вдвоем. Это уже становилось закономерностью.

Радд увлеченно уплетал огромную порцию яичницы с беконом.

«Последняя крупная порция жиров и калорий», – сказал он.

Затем он сделал паузу, отхлебнул кофе и немного оглядел палатку. Мне показалось, я заметил тень колебания или нерешительности на его лице, но затем он преодолел внутренние сомнения, потому что взглянул мне прямо в глаза и выложил свою новость.

«Я начинаю в Старте Месснера», – сказал он, снова возвращаясь к завтраку.

Не успев прожевать кусок, я замер и в изумлении открыл рот. Если раньше речь шла о двух проектах, похожих, но не совсем параллельных – разные отправные точки, разные попытки ответить на один вопрос, неважно, можно ли осуществить планируемую экспедицию, – только что все коренным образом изменилось: теперь мы шли одним и тем же курсом. После слов Радда путешествие, в которое мы отправлялись, действительно стало соревнованием. Яблоки и апельсины превратились в одни яблоки – один маршрут, одна цель. Теперь будет победитель и проигравший.

Я взглянул в свою тарелку с яичницей, затем снова посмотрел на Радда. Возможно, мне подумалось, хотя и не точно, я тоже немного его подцепил. Возможно, мое молчание, кивание головой и тот факт, что я почти ничего не говорил о себе и своих планах, даже если в основном поступал так из неуверенности, обрели значение, которого я в них не вкладывал. Бывалый гигант-полярник подстроил свои планы под мои, а не наоборот.

После слов Радда путешествие, в которое мы отправлялись, действительно стало соревнованием. Яблоки и апельсины превратились в одни яблоки – один маршрут, одна цель. Теперь будет победитель и проигравший.

Он хотел обыграть меня. Вот что это значило. Радд осторожно пододвинулся ближе. Мы были связаны, к лучшему или к худшему, во всех дальнейших событиях.

Глава вторая. Замерзшие слезы

День 1

Старт любого большого дела представляется мне чистым холстом надежды. Со времен моих первых соревнований по плаванию в начальной школе долгие минуты перед звуком свистка, который отмечает начало заплыва, всегда кажутся мне волшебными – они полны невыносимой тревоги и чувства возможностей, совершенно неизведанных. В воздухе витает еще не написанная история. Будущее, полное неизвестности, манит. Победа или поражение – мера вещей, но между этими крайностями в следующие минуты, часто кажется, в сжатом виде пронесется целая жизнь. Все возможно. Нет ничего невозможного.

Ощущение волшебства, безграничных возможностей разгорелось во мне в семилетнем возрасте, когда я сидел с мамой на диване и смотрел финал соревнований по плаванию на летних Олимпийских играх 1992 года в Барселоне. Я увидел, как Пабло Моралес из США получает золотую медаль в 100-метровом заплыве в стиле баттерфляй, и это событие изменило мою жизнь, воспламенив мечту, которая вдохновляла меня больше двух десятилетий, – мечту о том, что, возможно, однажды я тоже смогу оказаться на пьедестале победителей. Так в детстве я стал фанатом Олимпийских игр, способным пересказывать – что, возможно, порой раздражало – самые малозначительные подробности соревнований, а также предыстории моих героев.

Свирепый, неистощимый оптимизм, который кипит во мне в начале почти любого нового вызова или приключения, – следствие того дня: когда Моралес в бассейне победоносно поднимал руки, а я надрывался, крича от радости в нашей гостиной, и скакал на диване. Отчасти именно это привело меня в Антарктиду – идея чистого листа, жизни, которая раскрывается во всей ее глубокой неопределенности и возможностях.

Антарктида казалась мне нерассказанной историей. Кроме научно-исследовательских баз, в этом месте нет настоящих городов, постоянных жителей или животных вне воды с ее огромными стаями рыб, колониями пингвинов и стадами касаток. Это единственный континент, который не знал войн. Картографы обычно вообще его не изображают. Это пустая область в мире, который в основном заполнен.

Но когда мы с Раддом готовились покинуть Юнион Гласье, чтобы лететь к месту нашего старта на краю шельфового ледника Ронне, он, казалось, был настроен заполнить и этот континент хотя бы своей колючей уверенностью спецназовца.

«Сколько калорий вы берете на день?» – сказал он, пока мы готовились грузиться в самолет, красно-белое турбовинтовое судно Твин-Оттер – основной транспорт в суровом климате по всему миру, от тундры на Аляске до Сахары.

Я помедлил, готовясь к его ответу. Я знал, что онотреагирует.

«Семь тысяч», – сказал я, стараясь говорить твердым голосом.

«Семь тысяч! – выпалил он. – Я беру только пять тысяч пятьсот». Его глаза сузились, и он с пронзительным прищуром взглянул на меня, а потом на сани, словно увидел их впервые.

«Пять тысяч пятьсот – этого с лихвой хватит», – добавил он.

Я подумал, что стоит рассказать об исследовании, которое я провел, о медицинских тестах, которые я проходил, чтобы посмотреть, как работает моя физиология и как мое тело сжигает энергию в условиях стресса и мороза. Я хотел показаться осведомленным и умным. И мы оба знали, что в сутки будем сжигать гораздо больше, чем даже семь тысяч калорий, возможно, ближе к десяти тысячам, – потому нас в любом случае ожидала сильная потеря веса. Однако я почти не сомневался, что он воспримет подобные вещи – анализы крови, оценку потребности в питательных веществах и аэробной выносливости – как американские и суетли-

вые меры, а не как рациональные и научные; в общем, даже отдаленно не британские в смысле самоуверенной жесткости, отличавшей мир исследований и экспедиций, который он боготворил и считал своим.

«Мне кажется, я знаю, что помогает», – продолжал он.

«Знаете, что еще? – он не отступал. – Лед!»

Я поднял брови, не понимая, куда он клонит.

Он со смехом сказал: «Я видел, вы берете туалетную бумагу. Я и не думаю нагружать себя такой роскошью».

Возможно, он на самом деле понимал больше. Я уже сомневался во всем. Больше число калорий, пусть даже потребность в них и подтверждала наука, – это большой груз, и даже листы туалетной бумаги делали поклажу тяжелее. Радд явно начинал с гораздо более легкими санями.

В той квартирке в Чили мы с Дженной убрали из багажа запасы на пять дней, оставив еду на шестьдесят пять дней, а затем, пока в волнении ждал в лагере Юнион Гласье, я вычел запасы еще на пять дней. Теперь у меня оставалось еды на шестьдесят дней, что на целую неделю меньше, чем Радд брал с собой в проекте, повторявшем маршрут Амундсена на полюс 1911 года. В той экспедиции он потерял шестьдесят фунтов, и я потеряю гораздо больше. Это были пугающие, но и совершенно загадочные цифры, поскольку никак нельзя было проверить, насколько мои расчеты точнее, чем его расчеты в те времена.

Все прояснилось, когда мы стали грузить сани. Наш самолет сел на белое лыжное шасси возле палатки с припасами. Пилот, жизнерадостная канадка по имени Моника, которая успела рассказать нам, как влюбилась в Антарктиду с первого взгляда, то и дело вылезала из кабины пилота, готовясь к полету. Летная команда спросила, не хотим ли мы взвесить свое снаряжение.

Радд сразу же гаркнул: «Конечно».

При поддержке одного из членов экипажа он с трудом водрузил свои сани на большие промышленные весы возле ледяной взлетно-посадочной полосы. Я пытался делать вид, что занят, притворяясь, что занимаюсь другими вещами, хотя сам наострил уши, отчаянно желая узнать, что покажут весы. От того, что я услышал, у меня в жилах похолодела кровь.

«Сто тридцать кило», – повторил Радд – достаточно громко, чтобы я мог расслышать, не знаю, намеренно или нет, – когда на весах появились цифры. Я знал, что мои сани гораздо тяжелее.

Радд взглянул на меня и кивнул, глазами и жестами показывая: «Твоя очередь, дружище».

Но я не мог этого сделать. Я не мог взвешивать сани у него на глазах.

Когда Радд увидит мою невероятную поклажу, которая, по нашим с Дженной оценкам, весила где-то 170 килограммов – мы просто сложили вес вещей, которые туда входили, – в сочетании с весом саней, он бросит на меня такой взгляд, который уничтожит последнюю уверенность, которая у меня оставалась. Я не мог этим рисковать. Радд может промолчать. Вероятно, он ничего и не скажет. Но ему и не понадобится говорить.

Огромная, чудовищная разница в весе, когда он вместе с лагерем увидит ее, укрепит и усилит все те незаметные, неявные, невысказанные моменты, которые витают в воздухе – его начальственный ореол и обширные познания. Даже его потрясающий английский акцент был угрозой. Я буду выглядеть избалованным американцем, который так и не научился собирать чемоданы, и Радд сможет взглянуть на меня, закатив глаза. Он поймет, что вес нашей поклажи очень сильно отличается, и я узнаю, что он понял.

Внезапно я вспомнил одного мальчика, которого встретил на соревнованиях по плаванию, когда мне было где-то двенадцать. Я не думал о нем многие годы и даже не могу вспомнить сейчас его имени. Он плавал брассом, как я, и совсем не казался непобедимым. Мой тренер, жесткая женщина по имени Бет, которая в возрасте после двадцати лет заняла первое место на соревнованиях в колледже, нагнулась ко мне перед самым стартом. «Он, возможно, лучший из

твоих соперников», – сказала она, кивнув на моего противника на дальней дорожке. Я понял то, чего она не сказала вслух, и к какому исходу она готовила меня: «Ты вполне можешь проиграть, Колин».

В тот момент, когда я глядел на бассейн – как обычно опьяненный бурей эмоций перед заплывом, – я решил, что этот мальчик, наверное, из Западных холмов и охотно будет смотреть на меня свысока, как на жителя Восточных окраин. Мне хотелось верить, что он почти не думает обо мне, что он высокомерный и недоступный, а потому должен проиграть. Когда я стал воспринимать его таким, правдой это было или нет, во мне пробудилась энергия. Мне понравилось это колкое, резкое чувство: победа также исправит некое мнимое пренебрежение или несправедливость.

Однако затем, перед самым началом заплыва, я подумал о своем отце и словах, которые он сказал мне в то утро, когда мы направлялись на соревнование.

«Колин, помни о самом главном... повеселись!» – сказал он, придвинувшись ко мне в машине и потрепав по волосам.

Он всегда произносил эти слова, каждый раз одинаковые, перед соревнованиями, и обычно я почти его не слушал. Не думаю, что реально понимал, что он имеет в виду. Но в тот день я почувствовал какую-то перемену. Мне все так же сильно хотелось победить мальчика из Западных холмов. Он показал, что мне есть что доказывать. Но и оптимистичный настрой придал мне сил, и, когда мы стартовали со своих полос, в моей голове впервые выкристаллизовалась идея, что соревнование может быть одновременно жестоким и радостным. Я выныривал из воды, двигаясь с ощущением радости, которая делала мои гребки все сильнее, и в итоге я опередил мальчика из Западных холмов, а этот заплыв стал для меня одним из самых быстрых.

Однако теперь, когда сани Радда снова соскользнули с весов на лед, ситуация была куда более смутной. Весы манили. Радд и все члены летной команды обратили взгляды на меня.

«Нет, все в порядке, не стоит взвешивать», – сказал я. Этот мой небрежный жест с легкостью можно было раскусить, и я уверен, что Радд все понял, но это было неважно. Я сокращал свои потери, пытаясь не допустить, чтобы в моем сознании тяжким грузом застрял новый образ, как то забываемое фото с Южного полюса, которое показал мне Радд.

Потом настало время идти. Мы затащили сани на борт и поднялись в самолет, который оказался узким, тесным и маленьким: мои сани и сани Радда стояли рядом, стянутые ремнями, заполняя все место за открытой кабиной пилота, а за ними два ряда одиночных сидений уходили в заднюю часть самолета. Мы были единственными пассажирами.

Я отправлялся туда, где привычные измерения – шкалы размеров, резкости климата и прочие – по сути, не действовали, потому и прежние способы самовосприятия теряли смысл.

В Твин-Оттере, в отличие от Ила, было хотя бы несколько окон, и, когда мы взлетели, у меня тут же перехватило дыхание от открывшегося вида. Я не мог оторвать глаз от окна. Горные хребты обозначали дальний горизонт неровным синим и белым цветом. Глубокие черные трещины выглядели бездонными, словно могли вести к центру земли. Льды казались вечными и неизменными, однако и их затрагивали перемены. Не так давно миллиарды тонн льда оторвались от шельфовых ледников континента и попали в теплеющие прибрежные воды – в прошлом году там оказался огромный кусок размером с Мэриленд. Я прищурился, стараясь разглядеть лед прямо под самолетом, затем взглянул вдаль, насколько было возможно, и обе перспективы выражались одним словом: безграничность. Я отправлялся туда, где привычные измерения – шкалы размеров, резкости климата и прочие – по сути, не действовали, потому и прежние способы самовосприятия теряли смысл.

Внизу, на льдах, я превращусь в крошечное и незначительное пятнышко. Самолет продолжал гудеть. Радд смотрел в свое окно столь же увлеченно, как я – в свое. Но потом, когда

мы готовились к посадке на Старте Месснера, на краю шельфового ледника Ронне, где мы выгрузим вещи и стартуем, мы одновременно взглянули друг на друга через салон и кивнули.

Наверное, кажется, что это пустяк. Незнакомцы кивают друг другу мимоходом ежедневно. Офисные работники, мчась на деловую встречу, кивают друг другу в коридорах. Но меня и Радда разделяла такая глубокая пропасть – мы были очень разными и оказались здесь по совершенно разным причинам, – что наш едва заметный кивок показался почти сигнальной вспышкой с отдаленных горных вершин, необъяснимой и проникновенной.

Кивнув, я выразил ему все пожелания, которые не смог облечь в слова – безусловно, каждый из нас хотел сразиться за первенство, но в целом я уважал его и надеялся, что нас обоих ожидает самое лучшее. И я чувствовал, что он выразил те же мысли.

* * *

И вот мы прибыли.

Самолет дрожал и трясся во время посадки, гремя лыжами по морскому льду. Экипаж помог мне выгрузить сани, несколько раз стремительно пожал мне руку, пожелав удачи, и снова запрыгнул внутрь, чтобы не сбиваться с графика, и самолет стал выруливать, чтобы доставить Радда на место высадки в паре километров отсюда, на том же расстоянии от стартового ориентира у края материка.

Сделав несколько шагов из салона самолета по небольшой красной лестнице и спустившись на ледяной шельф Ронне, я покинул цивилизованный мир. Я выдохнул последний нагретый воздух, который будет доступен мне в следующие месяцы, сошел с последней металлической ступеньки, и мои высокие лыжные ботинки на толстой подошве впервые с хрустом ступили на лед. Я подтянул меховой воротник красно-черной ветрозащитной куртки, которая сочеталась с комбинезоном, и поправил маску, которая целиком закрывала лицо, а затем растянул руки над головой, чтобы размять мышцы, задеревеневшие за девяносто минут перелета в тесноте.

Они оставили меня. Минуту назад я был в мире людей, а теперь уже нет. Никаких церемоний; никаких вдохновляющих речей; никакого стартового выстрела. Мотор взревел, лыжное шасси закрипело на льду и задребезжало – самолет поднялся и улетел. Что-то подобное мог бы ощутить последний пассажир автобуса в странном, угрожающем, незнакомом городе, когда водитель внезапно открывает двери и говорит: «Твоя остановка, парень. Выходи». И пассажир смотрит, как автобус уезжает, с чемоданом в руках – отличие лишь в том, что сейчас минус двадцать пять и вес моего громоздкого, неуклюжего чемодана больше 180 килограммов.

Наконец, я оказался здесь, после года планов, спустя многие годы с тех пор, как в детстве Антарктида впервые захватила мое воображение, но более того – я был совершенно один. Одиночество хлестнуло меня, как пощечина, пока я смотрел, как самолет улетает.

Прежде я уже бывал в Антарктиде, когда поднимался на гору Винсон и проезжал на лыжах последние сто одиннадцать километров до Южного полюса с 89-го градуса широты: это место географы называют просто и величественно – «Последний градус». Но в том путешествии – которое было частью проекта по подъему на высочайшие вершины каждого континента с целью побить мировой рекорд и предполагало примерно недельную экспедицию на Северный и Южный полюс – со мной были другие люди.

Теперь, когда я окинул взглядом горизонт – во все стороны раскинулся плоский, пустой белоснежный пейзаж, сверкало солнце и лед, и, насколько я мог видеть, не было больше ничего, лишь в отдалении затихал гул самолета, – я осознал, что путешествие, что меня ожидает, будет совсем другим. Я понимал, что подобного не совершал никто: не доходил по континенту до Полюса, а затем на другую его оконечность без пополнения припасов и без всякой поддержки,

кроме собственного тела и мышц. Именно это во многом привлекло меня в такой экспедиции, которая проверяла мои возможности, выносливость и настойчивость.

Теперь я точно понимал, каким крошечным и одиноким я буду на этом огромном ледяном просторе ежедневно и еженощно – при круглосуточном освещении, под солнцем, которое никогда не заходит, где передо мной до горизонта протягивается бесконечная равнина. И я понимал, что мне придется изучить себя гораздо глубже, чем раньше, чтобы обнаружить энергию, которую можно использовать.

Шеннон Паннел, моя первая учительница, понимала, что я энергичный ребенок. Она видела мальчика, который не в состоянии усидеть на месте, и вместо того, чтобы добиваться от меня спокойного послушания, которого я в любом случае, наверное, не смог бы продемонстрировать, давала простой короткий совет: сжигай энергию.

«Сходите побегайте пятнадцать минут на улице вокруг детской площадки», – сказала мне с лучшим другом Лукасом мисс Паннел, когда мы стали хулиганить, подначивая друг друга в классе из какой-то придури. Мы вышли, стали носиться, кричать и прыгать изо всех сил, а когда вернулись, мне удалось, по крайней мере ненадолго, снова стать Колином-учеником, а не Колином-хулиганом.

Но разрыв между мирами – тем, откуда я пришел, и тем, где я был сейчас, – казался неизмеримо огромным. С одной стороны была моя жизнь до Антарктиды, месяцы тренировок для проекта, вдохновленные мечты в ходе его планирования с Дженной и, в сущности, вся моя жизнь, начиная с уроков мисс Паннел. Я оказался по другую сторону, в одиночестве, в самом холодном и безлюдном месте из всех, где бывал, и дверь между мирами только что затворилась.

Если я хочу завершить экспедицию по льдам, мне понадобятся эти воспоминания. Придется возвращаться назад и искать мальчика, которому хотелось побегать, и мальчика, который замечал, что может сосредотачиваться и решать проблемы, когда сжигает свою энергию. Придется вспоминать свои неудачи и победы, поскольку они меня чему-то научили. Теперь мне не нужно сжигать избыточную энергию, а необходимо любое, даже самое скромное топливо для души и ума, которое удастся найти. Мне придется открыть дверь в прошлое, чтобы надежда не покидала меня.

Самолет исчез. Пора было начинать двигаться. Двигаться было необходимо, если я хотел сохранить тепло. При двадцати пяти градусах ниже нуля даже под ярким слепящим солнцем температура тела может быстро падать. Нужно было разогреть мышцы.

Когда я подошел к саням, то взглянул на часы. Хотя путешествие, в которое я пускался, измерялось днями и неделями, а не минутами и даже часами, почему-то мне казалось важным отметить этот момент и придать ему хоть немного больше торжественности, чем немногословное прощание экипажа самолета.

«Нужно знать официальное время старта», – подумал я. На мне были серебристые часы Rolex с вращающейся секундной стрелкой, похожие на стальные, и я вспомнил о своем друге Марке, который положил их мне в ладонь и уговорил взять с собой в Антарктиду.

Месяцем ранее, во время визита в его дом, когда мы с Дженной готовились отправиться на юг, он взглянул на мои цифровые часы Timex за десять долларов и ахнул: «Ты что, собираешься носить там *это*? Дружище, это историческая экспедиция. Не думаю, что Timex с ней справится». В изумлении схватившись за голову, он сбегал на второй этаж и принес часы, которые купил на следующий день после рождения своего первенца. Роды проходили тяжело.

«Это часы с историей, – сказал он. – Они приносят удачу».

Rolex приятно сидели, казались солидными – вещь, созданной человеком, и хорошей вещь. Я похлопал их по стеклу большим пальцем в варежках. Но просто отметить время тоже почему-то казалось неправильным, поэтому я порылся в санях и достал маленькую прямоугольную камеру GoPro, которая примостилась на переносном штативе. Затем я снял варежку на несколько мгновений, чтобы достать крошечную батарейку из внутреннего кармана куртки

– я уже знал, что камера сможет работать всего несколько секунд, если не держать батарею в тепле, вблизи от груди – засунул батарею в камеру и нажал на кнопку записи.

«Что ж», – сказал я, глядя в объектив, что находился примерно в двух футах от моего лица, на конце штатива, который я протянул вперед, как палку для селфи. Затем я замолчал. Волнение и адреналин переполняли меня, но момент был серьезный, и я хотел сделать все правильно. Я вспомнил об исследователях полюса, которые впервые заметили льды, когда их корабли подошли к континенту, и записывали первые слова об этом в своих экспедиционных журналах.

«Итак, сейчас, 3 ноября 2018 года в 15:22, я официально стартую, – сказал я, глядя в объектив. – Начинать просто. Делаешь один шаг, потом другой. Идти тысячу километров или сто метров – сейчас это одно и то же. Возможно, и конец тоже будет простым. Моя финишная черта, если я доберусь до нее, – столб, забитый в лед Геологической службой Соединенных Штатов, что на другой стороне континента, на краю ледникового шельфа Росса. У столба даже есть название – LOO-JW. В GPS у меня есть его координаты, он для меня как маяк». Я отвел взгляд в сторону, на лед, пытаюсь найти слова, которые могли бы сказать Шеклтон или Скотт.

«И вот я начинаю», – добавил я, склонив камеру к ногам, пока шел к своим саням, а затем снова повернул ее на лицо. Я пожал плечами: «В общем, да. Это начало».

Я выключил камеру, вынул батарею, снова упаковал штатив и наклонился, чтобы проверить чехол и ремни на санях, – убедиться, что все готово. Мое снаряжение удерживали четыре ремня, расположенные примерно в полуметре друг от друга. Я постоянно расстегивал, застегивал и затягивал их в предыдущие дни, укладывая и перекладывая вещи, а затем снова и снова проверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.